

«Осталось последнее полешко»

18 января 2013

В Балтийском медиа-центре открылась выставка «Война и мир Дмитрия Бучкина», приуроченная к 70-летию прорыва блокады Ленинграда и организованная «НВ»

Картины потомственного петербургско-ленинградского художника Дмитрия Бучкина – это не просто произведения искусства, это ещё и история отчаяния и надежд целого города, да и всей огромной страны в самые тяжёлые годы Великой Отечественной. Трудно найти другие такие изображения, за которыми стояло бы больше боли и трагических воспоминаний. Речь идёт о рисованном дневнике, который вёл Дмитрий Бучкин в блокадном Ленинграде.

Трогательные и одновременно ужасающие естественностью констатации невообразимых фактов из жизни людей в умирающем городе, блокадные зарисовки художника представлены в одном из двух залов, занятых выставкой.

«Довоенный батон снится мне каждую ночь», – пишет Дима Бучкин – школьник и изображает его, большой, мягкий и ощутимо ароматный, – хотя сам не знает ещё в ту далёкую пору, удастся ли ему когда-нибудь поесть вообще чего-нибудь, кроме блокадного пайка. Да и всегда ли будет хотя бы он.

«Осталось последнее полешко», – и на чёрно-белом рисунке мы видим растерянную замёрзшую человеческую фигурку возле буржуйки...

Но у одних оставался хотя бы дом, а другие, возвращаясь из бомбоубежищ, находили только руины собственного жилища. В рисованном дневнике Дмитрий Бучкин изображает пробитую кирпичную стену, падающую мебель и покосившуюся картину на

сохранившейся стене: «Что осталось от квартиры дома № 27 (по улице Рубинштейна. – Прим. авт.), где жил Олег Сироткин».

Отчаянное положение людей в осаждённом городе художник документирует всего одним коротким эпизодом общения с окружающими: «Пришёл с фронта дядя Коля, ноги у него распухли – смазывали, отогревали. Пробыл дома 1 ночь. В окопах, сказал он, спокойнее, а здесь – обречённой: попадание бомбы – и под обломками, и никто не спасёт».

При всём этом надежда помогала людям выжить. Без неё было нельзя. Иначе – «Всем нам один конец, – сказал сосед по квартире Киршин. Умер он раньше всех – 7 января – и долго лежал в своей комнате».

Блокадный дневник – лишь одна из граней выставки «Война и мир Дмитрия Бучкина». Напротив дневниковых зарисовок в зале «войны» представлены и картины, написанные маслом. Вот хорошо знакомая панорама с Нарвскими воротами. За площадью, заставленной противотанковыми заграждениями, открывается вид пылающего города. А вот горящие дома показаны через заклеенные крест-накрест газетами окна Академии художеств; по заснеженному городу идут солдаты, а рядом стоят заколоченные досками скульптуры древнеегипетских сфинксов...

В своей долгой и плодотворной творческой жизни Дмитрий Бучкин писал наш город разным – и разрушаемым, вымирающим, и возрождающимся мирным тружеником.

В зале «мира» интересующиеся историей города обратят внимание на детали картин, изображающих Ленинград 1950-х и 1970-х. Легендарные здания в непривычном цвете, округлые автобусы-икарусы первых моделей и только советские модели автомобилей на Невском...

Но Дмитрий Бучкин обращает внимание посетителей не только на приметы времени, но и на вечное – потому что он из тех, кто знает, какой ценой город был сохранён.

Архитектурные достопримечательности Ленинграда-Петербурга остаются неизменными, а потому не так важно, в каком году они писались с натуры. И главное то, что сегодня мы можем видеть их такими, какими их видели горожане раньше. Когда ещё не было войны.

судьба

«Мы не пошли в бомбоубежище... А там все погибли!»

Художник, живописец и график Дмитрий Бучкин вырос в семье известного художника и педагога Петра Бучкина.

– Сорок первый год, мне четырнадцать лет, я ученик второго курса Средней художественной школы. Летом мы живём в Рождествено на даче, – вспоминает Дмитрий Петрович. – Наш сосед по даче и папин коллега по академии художник-баталист Михаил Авилов, лично знакомый с Ворошиловым и Будённым, успокаивает нас: «Климушка и Семён Михайлович ещё отдыхают, они тоже на даче. Вот вернутся в Москву, и немцам будет капут!»

Однако сводки по радио, которое они ходили слушать к сельсовету, становились ужасающе неутешительными: фашисты брали один город за другим. Пришлось бежать в Ленинград.

– Шли лесами – немцы бомбили и обстреливали дороги, – рассказывает он. – На Пулковских высотах пришлось дожидаться темноты. Впереди – поля! Спрятаться негде. Стемнело, и огромная, скопившаяся за день толпа беженцев ринулась в город!

Юного художника удивило, что здесь, в Ленинграде, ещё верили, что всё обойдётся, что военные смогут сдержать фашистский напор. И только прямое попадание бомбы в трамвай и один из домов возле Владимирского собора на Колокольной улице заставило многих осознать весь ужас происходившего. Каждый хотел увидеть своими глазами результат этого первого удара – возле места трагедии собрался весь город.

– Папа завёл альбомчик, стал вести дневник и делать зарисовки, – вспоминает Бучкин. – «Димка, – говорил он мне, – и ты рисуй! Кто, если не мы...»

Так стали одна за другой появляться странички блокадного дневника. Большая часть из написанных Дмитрием хранится теперь в Музее обороны Ленинграда. Юный художник документировал всё, что видел: как ходил за водой и та едва капала из трубы во дворе, как у него на глазах умерла женщина, как выглядела их блокадная квартира. «Папа лежит, не встаёт, мы ещё бродим», – написал он возле одного из своих рисунков в 1942-м.

Мальчик ходил по блокадному городу, и предметом его интереса было всё, включая объявления на доме у Пяти углов: «Меняю кошку на десять плиток столярного клея», «Меняю посеребрённый самовар, две плитки столярного клея, старинную лампу с абажуром на пайку хлеба рабочей карточкой»...

Выжить в блокаду помог случай. Исключительно совпадением было заявление отца, что больше в бомбоубежище ходить семья не будет: лучше погибнуть у себя дома.

– Мы каждую ночь ходили в бомбоубежище, – поясняет Дмитрий Петрович. – А тут – не пошли! И ночью было прямое попадание в дом № 27 на улице Рубинштейна, где находилось бомбоубежище, и все погибли.

Блокаду Бучкины пережили, а дневниковые записи и рисунки отца и сына стали достоянием музеев: зарисовки Петра Дмитриевича хранятся в Русском музее, Дмитрия Петровича – в Музее истории Петербурга.

находка

«Перелистываю страницы – и обливаюсь слезами!»

В экспозиции – альбом с детскими рисунками – рисунками Юли Луганской. Необычна судьба этого альбома, трагична судьба шестилетней Юли.

Она – дочь мастера книжной и станковой графики Петра Луганского, которой в 1941-м исполнилось шесть лет. Девочке и её матери не удалось выжить в блокаду. В 1942-м их не стало. Но Юлин блокадный дневник отец хранил до последнего дня своей жизни, не

рассказывая о нём никому. Лишь случайная находка, которую сделал Дмитрий Бучкин после смерти коллеги, раскрыла тайну существования альбома.

– Однажды, выйдя в наш двор – двор дома художников на Песочной набережной, – рассказывает Дмитрий Бучкин, – я увидел людей, копошащихся у мусорного бака. Бак был завален картинами, графическими листами, книгами, фотографиями. Оказалось, что это имущество моего недавно умершего соседа и друга Пети Луганского. Родственников у него не было. Мастерскую передали другому художнику... Люди растаскивали с помойки картины, гравюры, эстампы – для украшения собственных жилищ. Книги – для пополнения своих библиотек. Решил и я что-то взять на память о Пете. Вот тут и попался мне в руки альбом с изумительными детскими рисунками. Открываю: «Альбом Юли Луганской...» Я обомлел! Перелистываю страницы – и обливаюсь слезами! Пётр Иванович человек был замкнутый. Войну рисовал, но вспоминать не любил. О жене и дочери все не вспоминал. Свою боль носил в себе. С собой и унёс.

Дневник Юли Луганской Дмитрий Бучкин хранит у себя. И для выставки в Балтийском медиа-центре он решил предоставить его и рассказать о нём широкому кругу посетителей.

Толстая тетрадь с детскими рисунками, начатая за год до страшных событий и пестревшая яркими красками дачных летних будней, открыта на тёмном развороте: «Война. 22 июня» – «Наш стол пустой»...